

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.11>

Сидоров Дмитрий Сергеевич

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГРАБЕЖЕЙ И ПОСТПОГРЕБАЛЬНЫХ РИТУАЛОВ НА НЕКРОПОЛЯХ НИЖНЕ-ДОНСКИХ МЕОТСКИХ ГОРОДИЩ

В статье рассматривается вопрос о периодах осуществления грабежей и постпогребальных ритуалов на примере некрополей Нижне-Донских меотских городищ. Для достижения целей автор применяет междисциплинарный подход, используя данные современной криминалистики для анализа разрушенных погребальных комплексов. В ходе исследования установлены временные промежутки совершения указанных действий и их взаимосвязь. На основе этого выдвигается предположение о длительности погребального цикла донских меотов и уровне религиозного сознания грабителей. Делается вывод о целесообразности применения используемой методики для изучения грабежей и постпогребальных ритуалов других эпох.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/4/11.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 60-63. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 904

Дата поступления рукописи: 06.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.11>

В статье рассматривается вопрос о периодах осуществления грабежей и постпогребальных ритуалов на примере некрополей Нижне-Донских меотских городищ. Для достижения целей автор применяет междисциплинарный подход, используя данные современной криминалистики для анализа разрушенных погребальных комплексов. В ходе исследования установлены временные промежутки совершения указанных действий и их взаимосвязь. На основе этого выдвигается предположение о длительности погребального цикла донских меотов и уровне религиозного сознания грабителей. Делается вывод о целесообразности применения используемой методики для изучения грабежей и постпогребальных ритуалов других эпох.

Ключевые слова и фразы: ограбления некрополей; древние грабители; постпогребальный ритуал; разрушенные захоронения; Нижний Дон; меотские поселения; междисциплинарный подход.

Сидоров Дмитрий Сергеевич

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

dimka_rostov@mail.ru

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГРАБЕЖЕЙ И ПОСТПОГРЕБАЛЬНЫХ РИТУАЛОВ НА НЕКРОПОЛЯХ НИЖНЕ-ДОНСКИХ МЕОТСКИХ ГОРОДИЩ

В современной полевой практике каждый археолог, раскапывающий некрополи, в определенной степени сталкивается с ограблениями могил и постпогребальными воздействиями на покойных. Но, несмотря на значительное количество таких погребальных комплексов, собранные данные практически не подвергались серьезному анализу.

На сегодняшний день проблема грабежей и постпогребальных ритуалов была освещена лишь в небольшом количестве работ: монографии В. С. Флерова [17], сборнике трудов Института истории и материальной культуры «Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления» [1] и некоторых других отдельных публикациях. **Актуальности** данной теме прибавляет ее вспомогательная роль в рамках изучения населения и обрядов донских меотов. Однако многие аспекты по-прежнему остаются неизученными.

Одним из таких вопросов является расчет времени совершения грабежей и постпогребальных ритуалов с момента смерти покойного. Некрополи Нижне-Донских меотских поселений I–III вв. н.э. – одни из тех памятников, которые исследованы в достаточной степени, чтобы предоставить необходимое количество статистических данных и примеров для анализа.

Целью данного исследования является анализ периодов осуществления ограблений и постпогребальных ритуалов с момента смерти покойного до наших дней. В связи с этим важно выделить временные промежутки совершения указанных явлений, выявить их взаимосвязь для установления продолжительности погребального цикла и уровня религиозности грабителей, а также с помощью данных вспомогательных дисциплин разработать универсальную методику для изучения подобных процессов в различные исторические эпохи.

На сегодняшний день применение данных естественнонаучных направлений в исторических исследованиях – весьма распространенная практика. Но использование междисциплинарного подхода для изучения, прежде всего социальных или религиозных явлений, определяет **новизну** данной работы. Поскольку археология оставляет нам лишь итоговую ситуацию ограбления или постпогребального воздействия, для складывания полноценной картины подобных явлений необходимо привлечь знания смежных наук, изучающих человеческие останки: анатомии, медицины, криминалистики.

С одной стороны, ограбления и постпогребальные ритуалы – совершенно разные виды воздействий. Но, с другой стороны, если разложить эти процессы на отдельные составляющие каждого из них, то можно увидеть, что они весьма схожи. В обоих случаях имеются люди, совершающие данные воздействия (т.к. за человеческое воздействие может быть принята деятельность подземных животных), – проникновение в могильную яму, разрушение или изъятие костяка и инвентаря. В качестве главного отличительного фактора можно назвать лишь мотивы, которые в случае грабежа имеют своей целью изъять из могилы ценные предметы, а в случае постпогребальных ритуалов – продолжение поминальных действий.

На постпогребальные ритуалы на некрополях меотских городищ обратили внимание В. М. Косяненко и А. И. Масловский. Они предположили, что катакомбное погребение 9Д/2003 некрополя Крепостного городища было подвержено перезахоронению [5, с. 427–428]. Кости покойного отсутствовали, а на дне колодца, перед входом в камеру, лежал неразрушенный скелет коня. Следовательно, тело погребенного было изъято целенаправленно до помещения туши животного в захоронение. При этом погребальный инвентарь остался лежать кучкой в камере, что отвергает версию о грабеже. Схожая ситуация наблюдается на некрополе Кобяковского городища в катакомбных захоронениях 88 и 163 2000 года [6, с. 89, 133]. Комплексы, в которых можно четко зафиксировать обряд перезахоронения, встречаются редко и, как показывают приведенные примеры, только у группы меотского населения, хоронившей своих покойников в катакомбах.

Дальнейшее рассмотрение данного вопроса указывает на то, что следы подобного ритуала встречаются в других типах погребальных конструкций. Подтверждением, что ритуалы перезахоронения имели место быть, могут служить безынвентарные погребения, в которых найдены пакетированные останки костяка

(напр.: п. 18/2000). К другому виду постпогребального воздействия можно отнести ритуальные разрушения костяков, которые характеризуются либо изъятием черепа из погребения (напр.: п. 334/2000г) [Там же, с. 54, 233], либо полным разрушением костяка по дну могильной ямы (напр.: п. 24/2002) [7, с. 135-136]. При этом ценный инвентарь остается в захоронении.

Грабежи на меотских поселениях являются весьма распространенным явлением. Исходя из характера ограблений, можно констатировать, что грабители знали, зачем они охотятся, где точно располагается могила, какая ориентировка у той или иной формы могильной ямы и расположение в ней костяка. В силу того, что почти все меотские памятники находятся под городской застройкой или подвержены сильным антропогенным разрушениям, достоверную статистику по количеству грабежей может дать только Кобяковское городище, на котором им была подвержена без малого половина комплексов [13, с. 238].

Среди исследователей некрополей указанного периода бытует мнение, что большая часть грабежей осуществлялась во время существования и функционирования некрополей [8]. Но не исключаются и более поздние разрушения, которые происходили в результате хозяйственной деятельности людей после запустения городищ [1, с. 158; 8]. Высказанная версия весьма логична. Во-первых, после засыпки могильной ямы ее заполнение некоторое время остается рыхлым, и вскрытие можно проводить, имея простейшие приспособления для откидывания грунта; во-вторых, ввиду отсутствия качественного инструментария для быстрой копки плотного грунта, на вскрытие могилы уходило больше времени, и шанс быть замеченными увеличивался; в-третьих, грабители должны были точно знать о богатстве инвентаря погребенного, поэтому либо сами наблюдали процесс похорон, либо знали того, кто на них присутствовал.

Более поздние грабежи были во многом случайными, если, конечно, захоронение все еще не выделялось на поверхности. Поэтому отличалось более грубой раскопкой, разрушающей сам контур погребения, или случайным уничтожением самих захоронений, что было зафиксировано, например, С. А. Визигиным на некрополе Кизитиринского городища в 20-х годах XX в., когда при выборке грунта для хозяйственных нужд было уничтожено порядка 10 захоронений [18, с. 1-4].

В подавляющем большинстве случаев, в независимости от погребальной конструкции, в ограбленных комплексах на разных уровнях встречаются разрозненные кости покойного, реже – костяк и инвентарь отсутствует полностью, и еще реже встречаются случаи, когда после грабежа отдельные части или все тело остаются в сочленении. Разнообразие подобных ситуаций говорит нам о разном времени проникновения в могильную яму с момента помещения в нее тела покойного.

В вопросе о времени осуществления постпогребальных ритуалов и грабежей на меотских памятниках не обойтись без привлечения данных смежных дисциплин – медицины, патанатомии и криминалистики, которые в разной степени изучают трупные явления, необходимые для прояснения поставленной проблемы. Современные данные о покойниках, полученные на основе изучения так называемых кадавров (тело, переданное науке для изучения), тел погибших и эксгумированных останков, помогают установить время разложения трупов в различных условиях. Традиционно в учебных пособиях по судебной медицине существуют разделы, посвященные стадиям разложения тел, которые, в свою очередь, подразделяются на ранние и поздние трупные изменения [15, с. 74, 78].

В данном случае нас интересуют поздние явления, к которым относятся гниение (разложение белков), жировоск (разложение жиров) и скелетирование [9, с. 21-23]. На первой стадии связь костей и мягких тканей все еще является плотной, а значит, тело может подвергаться физическому воздействию практически без отрыва отдельных его частей. На стадии разложения трупных жиров мягкие ткани уже не являются основным скрепляющим элементом, но из-за более позднего разложения связок и сухожилий отдельные части тела по-прежнему могут находиться в сочленении. А после окончания процесса скелетирования связующих элементов для костяка не остается. Данные о времени наступления поздних стадий разложения трупа у различных исследователей имеют незначительные расхождения и зависят от условий погребения (климат, состав почвы, наличие гроба и т.д.). Варьирование сроков наступления стадии жировоска следующие: от 2-4 до 6-12 месяцев [16 с. 119], от 1,5 до 10-12 месяцев [12, с. 31], от месяца до 10-12 месяцев [10, с. 27], от месяца до 1 года [15, с. 59]. Стадия скелетирования имеет несколько больший временной разброс: 2 года [14, с. 83], около двух лет [9, с. 23], 2-3 года [16, с. 119-120], 3-4 года [3, с. 163].

Сведения, полученные на основе изучения поздних трупных явлений, позволяют высказать ряд гипотез касательно времени осуществления постпогребальных ритуалов и грабежей. Приведенные выше примеры комплексов, подвергшихся ритуальному перезахоронению, могут свидетельствовать о том, что тело было изъято из могильной ямы, будучи в сочлененном виде, в тот момент, когда мягкие ткани все еще являются связующим материалом, т.е. в течение двух месяцев после захоронения, поскольку при изъятии костяка в более поздние сроки велик риск отрыва и утери отдельных мелких костей, которые были бы найдены археологами при раскопках. А последующее помещение пакетированных останков в могильную яму свидетельствует об осуществлении этого действия по истечению не менее года с момента смерти. Исходя из данных фактов, можно предположить, что подобные ритуальные перезахоронения были характерны не только для катакомбных захоронений, но и для групп населения, хоронивших своих покойников в других типах погребальных конструкций.

На некрополях меотских городищ довольно часто встречаются захоронения в простых (напр.: п. 5КЛ/1995) [2, с. 338] и заплечиковых ямах (напр.: п. 27/1999) [6, с. 22], в которых полностью отсутствуют кости погребенного и сопровождающий его инвентарь. На сегодняшний день подобные комплексы описываются как ограбленные. Но объяснений тому, куда пропадает весь костяк, нет. Ведь даже если представить ситуацию, что все кости были полностью выброшены из могилы в десятках случаях на отдельных участках, то в культурном слое должны были сохраниться их многочисленные останки, чего при раскопках не наблюдается.

Другие же постпогребальные воздействия (изъятие черепа, разрушения), по данным патанатомии, могли происходить не ранее чем через год с момента смерти, когда мягкие ткани и мелкие хрящи уже не являются связующими элементами костяка. Вышеперечисленные рассуждения позволяют высказать гипотезу о том, что поминальный цикл меотов в указанном регионе длился около года, а если душа усопшего не находила покоя в течение этого времени, то впоследствии приходилось прибегать к ритуальным разрушениям.

Время ограблений можно условно разделить на 3 периода. К первому относятся те комплексы, в которых при механическом воздействии была потревожена значительная часть сочлененного тела. Примером таких ранних грабежей, осуществляемых примерно между 2 и 12 месяцами после погребения, может служить п. 2КЛ (II) Крепостного городища. В нем в сочленении была сдвинута вся верхняя часть костяка [4, с. 312]. А также п. 12/1993 Темерницкого городища, где верхняя часть костяка была перевернута на живот, а ноги остались в естественной позе [11, с. 258]. Количество таких грабежей единично. На второй период, от 1 до 2-3 лет после захоронения, приходится большее число грабежей. В данном случае в сочленении оставались лишь отдельные части тел. Так, например, в п. 348/2000 Кобяковского городища большая часть костей покойного после грабежа оказалась в заполнении могильной ямы, а левая нога была сдвинута по дну, оставшись в сочленении [6, с. 240]. Факт перемещения отдельных групп костей в сочлененном виде указывает на то, что костяк находился на начальной стадии скелетирования, когда кости все еще скреплены сухожилиями – от 1 года до 2-3 лет. К третьему периоду относится подавляющее большинство грабежей, отличительными признаками которых является наличие большого числа разрозненных костей и обломков инвентаря на разных уровнях заполнения могильной ямы.

Рисунок 1. Схема временных периодов совершения постпогребальных ритуалов и грабежей на некрополях меотских поселений

Если представить время совершения постпогребальных ритуалов и грабежей в виде схемы (Рис. 1), то мы можем заметить определенную взаимосвязь этих явлений. Время окончания предположительного поминального цикла (1 год) служит отправной точкой для времени совершения ритуальных разрушений, которые, в свою очередь, совпадают с периодами совершения массовых грабежей в древности. Данное замечание, по всей видимости, стоит рассматривать, с одной стороны, как страх грабителей перед покойным до момента его окончательного перехода в иной мир, с другой – возможно, как дань уважения к погребальным традициям. Несмотря на то, что в определенном смысле эти две версии противоречат друг другу, обе имеют право на существование.

Таким образом, на основе проведенного междисциплинарного анализа можно сделать ряд **выводов**. Распространенная среди археологов версия о том, что грабежи на грунтовых некрополях совершались в период функционирования некрополей, находит свое подтверждение на основе материалов раскопок памятников донских меотов и данных криминалистических исследований. Отдельные грабежи имели место быть по истечению нескольких месяцев с момента погребения, но подавляющее большинство из них совершалось не ранее чем через год. Обряд перезахоронения, четко прослеженный только в катакомбных захоронениях, может быть свойственен и другим группам населения. Но в силу не ярко выраженного обряда и недостатка научных данных, на сегодняшний день подобный вывод может служить только в качестве гипотезы. На основе сопоставления периодов постпогребальных практик и грабежей установлен предполагаемый погребальный цикл, который продолжался около года. А единичные случаи их наложения могут свидетельствовать о достаточном уровне религиозности у грабителей, будь то страх перед покойным или уважение к погребальным традициям. Стоит отметить, что методика и выводы данного исследования могут быть применимы не только к указанному периоду и памятникам, что поможет в разрешении ряда вопросов о грабежах и постпогребальных ритуалах других эпох.

Список источников

1. Вдовченков Е. В., Ильяшенко С. М. Древние ограбления некрополя Танаиса. К постановке проблемы // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления / отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2016. С. 157-169.
2. Горбенко А. А., Косяненко В. М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) / Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник; отв. ред. Е. Н. Самарич. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2011. Вып. 11. 512 с.
3. Добряк В. И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. К.: Гос. мед. изд-во УССР, 1960. 192 с.
4. Косяненко В. М. Раскопки могильника Крепостного городища в 1985 году в г. Азове по ул. Карла Либкнехта // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2008. Вып. 23. С. 305-331.

5. **Косяненко В. М., Масловский А. И.** Новые материалы из могильника Крепостного городища. Раскопки 1997-2003 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2004. Вып. 20. С. 407-466.
6. **Ларенок В. А.** Меотские древности: в 2-х ч. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. Ч. 1. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999-2000 гг. 448 с.
7. **Ларенок В. А.** Меотские древности: в 2-х ч. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2016. Ч. 2. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 2000-2001, 2002, 2004 гг. 320 с.
8. **Ларенок В. А.** Меотские древности, или Рассказ о древних жителях Ростова [Электронный ресурс]. URL: <http://donrise.ru/archeology/meotantiquities6/tabid/399/Default.aspx> (дата обращения: 03.02.2019).
9. **Марченко М. И., Кононенко В. И.** Практическое руководство по судебной энтомологии / под ред. А. Ф. Рубежанского. Х., 1991. 69 с.
10. **Меденцов А. А.** Краткий курс лекций по судебной медицине. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 118 с.
11. **Парусимов И. Н., Рогудеев В. В.** Некрополь Темерницкого городища // Сарматы и их соседи на Дону: сб. статей. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 256-272.
12. **Руководство по судебной медицине** / под ред. В. В. Томилина, Г. А. Пашиняна. М.: Медицина, 2001. 576 с.
13. **Сидоров Д. С.** Ограбление грунтовых некрополей на примере Нижне-Донских городищ I-III вв. н.э. // Неделя науки 2018: сб. тезисов. Ростов-на-Дону – Таганрог: Издательство ЮФУ, 2018. С. 235-241.
14. **Судебная медицина: учебник** / под общ. ред. В. Н. Крюкова. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 432 с.
15. **Судебная медицина: учебник** / под ред. Ю. И. Пиголкина. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 496 с.
16. **Судебная медицина: учебник для юридических институтов и факультетов** / под ред. В. И. Прозоровского. М.: Юридическая литература, 1968. 368 с.
17. **Флеров В. С.** Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. М.: Таус, 2007. 372 с.
18. **Ширман Л. А.** Кизитиринский некрополь. Ростов-на-Дону, 1928. 5 с.

ROBBERIES AND POST-MORTUARY RITUALS IN THE NECROPOLISES OF THE LOWER DON MAEOTIAN SETTLEMENTS

Sidorov Dmitrii Sergeevich

Southern Federal University, Rostov-on-Don

dimka_rostov@mail.ru

The article aims to identify the periods when robberies and post-mortuary rituals were committed in the necropolises of the Lower Don Maeotian settlements. To achieve the research objective, the author applies the interdisciplinary approach. Modern criminalistics data are used to interpret the disturbed burials. The author identifies time periods when the mentioned actions were committed and relation between them. Relying on the findings the researcher proposes a hypothesis on the duration of the Don Maeotians' funeral cycle and the level of the robbers' religious consciousness. The paper concludes on the appropriateness of the suggested methodology to study robberies and post-mortuary rituals of other epochs.

Key words and phrases: robberies of necropolises; ancient robbers; post-mortuary ritual; disturbed burials; The Lower Don; Maeotian settlements; interdisciplinary approach.

УДК 929

Дата поступления рукописи: 13.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.12>

В статье изучается творчество немецкого художника И. Э. Гриммеля, возглавлявшего Рисовальную палату Академии наук. Источниковую базу исследования составили документальные материалы, в том числе архивные. Впервые в отечественной историографии приведены сведения о картинах Гриммеля, выполненных в Германии, а также подробно проанализированы его достижения в области книжной графики, живописи, реставрации. Делается вывод о том, что этот немецкий художник, являясь активным участником художественной жизни России, внес существенный вклад в развитие русского изобразительного искусства.

Ключевые слова и фразы: И. Э. Гриммель; Академия наук; Рисовальная палата; книжная иллюстрация; триумфальные ворота; реставрация живописи.

Стецкевич Елена Сергеевна, к.и.н., доцент

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург
stetskevich-es@ranepa.ru*

ИОГАНН ЭЛИАС ГРИММЕЛЬ (1703-1758) – НЕМЕЦКИЙ ХУДОЖНИК НА СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В первой половине XVIII в. Академия наук¹, основанная в 1724 г., являлась уникальным научным, образовательным, издательским и художественным центром Российской империи. Она объединяла научное сообщество

¹ В первой половине XVIII в. Российская Академия наук имела разные названия – «Академия наук и художеств», «Императорская Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге».